
Плачущий Ангел
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
Дарья Корнилова
18+

Дарья Корнилова

Плачущий ангел

«Автор»
2026

Корнилова Д.

Плачущий ангел / Д. Корнилова — «Автор», 2026

Она не помнит своего имени. Не знает, кому можно доверять. И даже не подозревает, что правда о её прошлом может оказаться страшнее любых ночных кошмаров, которые так долго её мучают.Психиатрическая клиника «Саймонс Лот» хранит мрачные тайны, а её пациенты — каждый свою историю, которую у них отняли. В этом странном месте лишь один человек помнит всё не только о себе, но и об остальных узниках. Рэй, загадочный двенадцатый пациент, обещает Еве помочь вернуть воспоминания, но не безвозмездно. Девушка готова заплатить любую цену, однако чем ближе она к разгадке, тем сильнее стирается грань между жертвой и чудовищем.Кто она на самом деле — и почему оказалась здесь? Что происходит в клинике и как это связано с жестокими экспериментами над людьми, которые проводились здесь семьдесят лет назад?И как она поступит, когда придётся выбирать между той жизнью, что она обрела, и той, что потеряла?

© Корнилова Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента. 24

Плачущий ангел

И я думаю,
Что мир —
Только усмешка,
Что теплится
На устах повешенного.
В. Хлебников

Глава 1. Сотворение Евы

Я очнулась от резкого удара в висок.

Фургон грубо повернул вправо, и моё тело отшвырнуло к железной стене. Внезапная пульсирующая боль вырвала меня из долгого и глубокого сна, ставшего куда более привычным, чем реальность. Прижимая руку к ушибленному месту, я приподнялась на колени, чтобы рассмотреть ту непримечательную обстановку, которая меня окружала: четыре металлических стены, пол и потолок, тоже металлические, скомканный плед цвета засохшей грязи, на котором я, судя по всему, спала всё это время, и небольшое прямоугольное окно, впускающее узкий луч света в мою одиночную камеру на колёсах.

Медленно разгибая колени и опираясь о холодную скользкую стену, я попыталась встать. Как я сюда попала? Куда меня везут?

Внезапная мысль, словно бомба, разорвалась у меня в мозгу, и гул её разнёсся по всему телу, снова повалив меня на пол.

Руки и ноги задрожали от страха. Но страшно было не от того, что я не знала, как здесь оказалась и куда меня везут. Меня напугало, что я совершенно не помнила, кто я такая.

Как меня зовут?

Сколько мне лет?

Откуда я родом?

Кто мои родители?

И чем я занималась до того момента, как оказалась заперта в железном ящике, несущемся в неизвестном направлении?

Глубоко вдохнув, я впустила в лёгкие поток тяжёлого воздуха с запахом плесени, сжала кулаки и снова приподнялась, осторожно приближаясь к окну.

Мутная поверхность стекла, непрочно закреплённая в железной раме и покрытая застывшими каплями грязи и дождя, непрерывно подрагивала. Я прикоснулась к ней. Судя по тому, как тряслось всё кругом, фургон мчался по бездорожью. За окном на тёмно-коричневых полях медленно умирало лето, густые и тяжёлые облака, словно налитые ртутью, были готовы обрушиться на землю потоками ядовитого дождя. Увиденное подтвердило мою догадку — мы ехали по сельской местности.

Я прижалась к стене спиной и немного расставила ноги, чтобы не упасть на очередной кочке. Стоять оказалось куда сложнее, чем я рассчитывала: ноги по-прежнему дрожали, голова кружилась, а горло разъедала тошнота. Я постаралась сосредоточить взгляд на маленьком мутном окошке, в котором как в авторефкератометре, виднелся однообразный пейзаж, только без шарика и без домика.

Кстати, почему я помню, что такое авторефкератометр, но не помню, кто я?

Небо становилось всё темнее, день клонился к концу, а коричневая лента полей всё не собиралась обрываться. Наконец ноги совсем ослабли, и я легла на пол, приняв позу эмбриона.

Не знаю, сколько времени прошло, прежде чем фургон резко подался вперёд, задребезжал и остановился.

Задняя стенка со скрипом и скрежетом отодвинулась, и из бледно-розовых сумерек выступили два высоких мужских силуэта. В ту же секунду в моём мутном сознании родился простой, но ненадёжный план спасения: притвориться спящей, а когда похитители ослабят бдительность, попробовать сбежать.

Какое-то время мужчины вглядывались вглубь фургона и перешёптывались. Убедившись, что я по-прежнему сплю, они разошлись в разные стороны, собираясь закрыть дверь. Я решила, что подходящий момент настал, и, собрав скудные остатки сил, выпрыгнула наружу.

Долгожданная свобода встретила меня не слишком приветливо — фургон оказался на высоких колёсах, и я навзничь упала на землю. Высота была не больше метра, но по ощущениям я будто бы спрыгнула с десятого этажа: тело пронзила острая боль, ноги и руки совсем перестали меня слушаться, и всё, что я могла, это ползти, как червяк. Похитители заметили мою жалкую попытку бегства.

— Чёрт, она проснулась!

— Слишком рано! — тревожно пробормотал один из них, подхватывая меня на руки.

— Ничего, это поправимо, — усмехнулся второй и всадил мне в плечо что-то тонкое и острое.

Перед глазами всё поплыло. Последние силы оставили меня. Что ж, я хотя бы попыталась.

***

Я снова очнулась, но уже не в фургоне. На этом плюсы заканчивались, обнажая куда более серьёзные минусы: я по-прежнему была в заточении и не помнила, кто я. И, кажется, меня сейчас вырвет.

Тошнота стала нестерпимой, и мой желудок самопроизвольно очистился на белый пол, выложенный потёртой и потрескавшейся плиткой. Стены, видимо, тоже когда-то были выкрашены в белый, но со временем старая краска приобрела цвет скисшего молока. Комната оказалась чуть больше железного фургона, но окон не было. Под низким потолком висела одинокая лампочка, по углам местами поселилась плесень. У стены стояла железная односпальная кровать с тонким матрасом, рядом — умывальник с ржавым краном, за ним — перегородка, стыдливо скрывающая унитаз и выложенная той же допотопной плиткой, что и пол. Ну и, конечно же, дверь — железная, массивная и без ручки.

Шатаясь, будто пьяная, на дрожащих ногах я побрела к ней. Мозг подавал телу сигнал «барабань изо всех сил», но сил не было, поэтому я стукнула по ней два раза и упала. Падать на кафель оказалось куда больнее, чем на промёрзшую землю.

Кровь пульсировала в висках, я лежала на боку и не могла пошевелиться. Перед глазами всё плыло. Через пять, а может быть, десять или даже тридцать минут дверь отворилась, впустив поток ослепляющего света. Из него показалась невысокая молодая женщина, чьё лицо я не могла рассмотреть. О молодости говорил только голос — звонкий и мелодичный. Увидев меня на полу, она вскрикнула:

— О боже, мисс, вам плохо?

Стуча низенькими каблучками, она суетливо подбежала ко мне, помогла подняться и довела до кровати. Та громко скрипнула, когда я опустилась, и от этого скрипа у меня зазвенело в ушах.

Я тяжело дышала и обливалась холодным потом. Женщина положила мягкую тёплую руку мне на лоб, оглядела пятно из содержимого моего желудка и крикнула в коридор:

— Эмма! Эмма, иди сюда с тряпкой, тут надо убрать.

Дверь осталась открытой. В коридоре послышались шаги, и вскоре в комнате появилась ещё одна девушка со шваброй и тряпкой. Она тут же занялась пятном. Мне вдруг стало стыдно, с трудом переводя дыхание, я прошептала:

— Простите.

Девушка убрала руку с моей головы и тепло улыбнулась.

— Не волнуйтесь, ничего страшного. Расскажите, что у вас болит?

Не в силах объяснять, что именно я сейчас чувствую, я дала короткий, но всеобъемлющий ответ:

— Всё.

Она вздохнула.

— К сожалению, это побочные действия лекарств. Скоро вам перестанут их колоть, и тогда обязательно станет лучше. Вот, выпейте воды.

Эмма, уже управившаяся с пятном, подала мне стеклянный стакан с водой. Я протянула к нему пальцы, но они дрожали, и тогда первая девушка взяла его сама. Она приподняла мою голову и помогла отпить воды. Мне, бесспорно, льстила подобная забота, но моя настороженность от этого только усилилась. Я откинулась обратно на кровать и с недоверием процедила:

— Мне и до лекарств было неплохо.

Девушка снова улыбнулась и произнесла:

— Откуда вы знаете? Вы ведь не помните.

Её слова, сказанные так небрежно, как само собой разумеющиеся, поразили меня, словно пули.

— А вы откуда знаете, что я не помню?

— Всему своё время, мисс, — ответила она.

Ещё раз оглядев меня, она удалилась вместе с Эммой. Тяжёлая дверь за ними захлопнулась, а меня снова одолел сон.

Так тянулась череда однообразных дней: дважды в сутки мне приносили еду, к слову, невкусную, вроде брокколи, овсяной каши и резинового недоваренного мяса сомнительного происхождения; ставили системы с глюкозой и цитофлавином, кололи уколы происхождения куда более сомнительного, чем недоваренное мясо. Я не сопротивлялась, решив копить силы для более удобного случая, ведь не будут же они держать меня здесь вечно.

Наверное.

У меня не было ни часов, ни окна, взглянув в которое можно было бы наверняка установить, что день начался или закончился, поэтому я определяла дни по количеству приёмов пищи — судя по всему, меня кормили утром и вечером. Также меня водили мыться в небольшую душевую, расположенную в конце коридора, это случалось раз в семь дней. Если эти подсчёты были верны, я провела здесь четыре недели.

За это время мне удалось выяснить немногое. Во-первых, в коридоре я видела другие железные двери, но они всегда были заперты. Во-вторых, других людей, кроме Эммы и Дейзи — так звали девушку, поившую меня водой в первый день, — я не встречала. В-третьих, даже им, судя по всему, было запрещено со мной разговаривать на какие-либо темы, кроме тех, что касались моего самочувствия.

К концу четвёртой недели, когда я в очередной раз приняла душ и благоухала запахом дешёвого мыла, ко мне в комнату вошли Эмма и Дейзи в сопровождении двух мужчин. Дейзи держала что-то за спиной.

— Мисс, на наш взгляд, вы окрепли, и сегодня мы покажем вас доктору. Он всё вам расскажет. Мы вынуждены принести вам извинения за доставленные неудобства и причинить ещё одно.

После этих слов она выставила руки вперёд. В них была рубашка с подозрительно длинными рукавами.

Я окинула всех взглядом, полным недоумения.

Дейзи взволнованно затараторила:

— Это временная мера, прошу вас, наденьте, мисс.

Я тяжело вздохнула и поднялась с кровати. Мне не оставалось ничего, кроме как повиноваться, надеть рубашку и позволить завязать её длинные рукава за спиной. Она пахла сыростью и медицинским спиртом.

Мы покинули место моего заточения и поднялись на третий этаж по винтовой лестнице. Точнее, на второй, потому что этаж, на котором я всё это время жила, как оказалось, был подвалом.

Моё внимание привлекла выложенная на стене мозаика: на ней была изображена красивая темноволосая девушка в греческой тоге с протянутыми вперёд руками.

Наконец появились окна. В них я успела рассмотреть желтеющий осенний сад.

Меня завели в просторный кабинет. В нём, к счастью, стены были нежно-голубыми — за минувшие дни мои глаза ужасно устали от холодного белого цвета. В помещении было много высоких шкафов, уставленных бесчисленными книгами, в центре стоял массивный письменный стол с творческим беспорядком, а за ним сидел мужчина. Увидев нас, он порывисто поднялся и подошёл к двери.

На вид доктору было не больше пятидесяти: сквозь густые чёрные волосы местами пробивалась седина. Но, уверена, в молодости он был очень красив: годы не коснулись его подтянутой фигуры, гордой осанки и пронзительных голубых глаз, в которых было что-то наивно-детское.

Он посмотрел на меня с большим интересом, затем суетливо подошёл к столу, подвинул к нему ещё один стул и любезно предложил мне присесть. Голос его был мелодичен, как песня, и лился то вверх, то вниз.

— Очень мило с вашей стороны, *доктор*, но было бы ещё милее, если бы вы меня развязали. Смирительные рубашки уже лет сто не используют.

Стоп. Откуда я это знаю?

Доктор загадочно улыбнулся и ответил:

— Вижу, вы в добром расположении духа.

— В потрясающем.

— Очень хорошо, тогда мы можем приступить.

— Что будет на этот раз? Трансорбитальная лоботомия?

— Полно вам, мисс. Я понимаю, что вы злитесь, но так было нужно.

Я не выдержала и крикнула ему в лицо:

— Кому нужно?! Вы издеваетесь?! Меня похитили, кололи какой-то дрянью, кормили тоже дрянью, к слову, держали целый месяц в подвале, а теперь напялили смирительную рубашку! Мне нужен адвокат, чёрт бы вас всех побрал, вы не имеете права так со мной обращаться!

— Мисс, позвольте всё вам объяснить. Но для начала я бы хотел уточнить, как ваше самочувствие.

— Да пошли вы!

— Хорошо, тогда перейдём непосредственно к объяснениям.

Он глубоко вздохнул, положил на стол небольшой распечатанный конверт и заговорил:

— Меня зовут Говард Монтгомери, я психиатр. Вас зовут Ева Престон. Вы находитесь в психиатрической лечебнице «Саймонс Лот». Сюда вы попали по настоянию вашей матери. К несчастью, вы больны параноидной формой шизофрении и страдаете от эпилепсии. Во время последнего своего припадка вы были в ванной, поскользнулись, упали на кафель, ударились головой и получили серьёзную черепно-мозговую травму. Вас спасли, провели операцию, но последствия от травмы оказались такими серьёзными, что вы потеряли память.

Я перебила его:

— Подождите. По порядку. Начнём с того, что ваша фамилия — Монтгомери, акцент у вас явно уэльский, его не спутаешь ни с каким другим. Но находимся ли мы в Великобритании?

Доктор улыбнулся и дал понять, что не собирается отвечать на этот вопрос.

— Хорошо. Ваше молчание подтверждает мою догадку. Больница называется «Саймонс Лот». Судьба Симона, значит. Это какой-то библейский персонаж?

Доктор рассмеялся.

— Удивительно, как вы при столь серьёзной травме сохранили специфические познания. Вы почти угадали. Клиника носит имя Симона Киринеянина — человека, упоминаемого в Евангелии, который нёс крест для распятия Иисуса Христа.

— Продолжайте. И что вы собираетесь со мной делать?

— Наша задача — помочь вернуть вам воспоминания. Мы будем использовать эффективную терапию разного плана, а когда лечение подойдёт к концу, непременно вас выпишем.

— Премного благодарна.

— Подчеркну, что наша задача — именно *помочь* вам вернуть воспоминания. Успех зависит прежде всего от вас, мисс Престон.

Фамилия казалась совсем незнакомой и резала слух.

— И как, скажите на милость, вы собираетесь мне помогать? Может, пригласите мою маму, и воспоминания вернутся?

— Боюсь, это невозможно, мисс Престон. Она находится в другой стране и слаба здоровьем.

— Видимо, это семейное. А что насчёт отца?

— Ваши родители уже давно не живут вместе, но официально не разведены. Мы не знаем, где сейчас мистер Престон.

— Жаль.

Он взял в руки конверт и достал из него несколько фотографий.

— Посмотрите, может, вспомните что-нибудь.

Фотографий было три: на первой я позировала в выпускной мантии на фоне размытого здания, которое, судя по всему, было университетом; на второй я была будто бы лет на десять младше, купалась в бассейне, лучезарно улыбалась, а в углу фотографии красовалась надпись «Коста-Брава 2010»; третья фотография была самой интересной — на ней я стояла в обнимку с незнакомой женщиной. Указав на последнее фото, я спросила:

— Кто это?

— Это ваша мама, — ответил доктор. — Миссис Патриция Престон.

Женщина, хоть и чем-то походила на меня, казалось чужой.

— Очень жаль, что вы её не узнали. Но всё впереди, мисс Престон, улучшения налицо. Развяжите её.

От этих слов внутри меня всё затрепетало так, будто мне впервые признались в любви.

Эмма и Дейзи освободили меня от хлопковых оков, и я, оглядевшись, опустилась на стул. Время для побега было неподходящее: я по-прежнему не знала, где нахожусь, а в дверном проёме стояло двое крупных мужчин.

— Я дарую вам свободу, о которой вы так грезили, — вдохновенно произнёс доктор Монтгомери, — но надеюсь на ваше благоразумие. В ваших интересах не сбегать и завершить лечение.

— Иллюзию свободы, вы хотели сказать.

— Судя по всему, нас ожидает плодотворное сотрудничество, — мечтательно улыбаясь, ответил он, — полезное и для общества, и для науки, и для вас лично.

— Не сомневаюсь.

— Я рад. А теперь, когда знакомство можно считать успешно завершённым, я с превеликим удовольствием покажу вам нашу клинику и других пациентов.

Глава 2. Новые друзья

Как только я перешагнула порог, в нос ударил запах мокрой свежескошенной травы. Небо по-прежнему было затянуто тучами, как и в тот день, когда я очнулась в фургоне и попыталась сбежать. Сделав несколько шагов, я почувствовала, как намокли ноги. Кажется, недавно был дождь.

В сопровождении доктора и Дейзи я проследовала по узкой вымощенной камнем дорожке, её окружали лужайки невысокой тёмно-зелёной травы, кое-где покрытой опавшими золотыми листьями.

Сил у меня прибавилось, я больше не чувствовала ни тошноты, ни головокружения, ноги и руки покорно подчинялись командам мозга. Лишь чуть-чуть пульсировало в висках, видимо, из-за свежего воздуха и прохладного осеннего ветра. Мне выдали одежду — тёплое и длинное тёмно-серое платье почти до щиколоток, колготки, лёгкие тканевые туфли, чёрное пальто и, наконец-то, нижнее бельё. Ранее я носила бесформенную больничную рубаху, пропахшую йодом. Со стороны я наверняка выглядела как гостья, приехавшая навестить душевнобольного родственника, но, к сожалению, этим душевнобольным была я сама.

Мы всё шли, огибая подстриженные кусты, в которых скрывались каменные статуи и беседки. Вокруг не было ни души. Территория больницы оказалась обширной, по ней хаотично были разбросаны невысокие дома, выкрашенные облупившейся серой краской, а в самом центре стояло большое белое здание, выстроенное в классическом стиле. Укрывающая его бордовая крыша местами почернела от ржавчины. Подойдя ближе, я заметила лепнину и тонкие колонны на его фасаде. Похоже, этому зданию не меньше ста лет. Интересно, как оно пережило две мировых войны и что в нём раньше располагалось?

Войдя, я обнаружила бесконечно длинные коридоры, узкие деревянные окна, белые стены и старый паркет. В воздухе витал запах лекарств, но пациентов мы по-прежнему не встретили.

— Первый этаж отведён под фойе и хозяйственные нужды, — заговорил доктор, — на втором находятся палаты пациентов, на третьем — библиотека и комнаты отдыха. Давайте поднимемся, я покажу вам вашу палату.

Деревянная лестница стонала от каждого шага. На втором этаже стены были выкрашены в тот же больнично-белый цвет, что и везде. Меня провели до конца коридора и указали на узкую дверь, на которой красовалась табличка «Палата №8».

Палата оказалась вполне уютной, в отличие от коморки в подвале, в которой я провела прошлый месяц: кровать с деревянным изголовьем, чистая раковина, изолированный туалет, тумба, письменный стол со старой лампой и небольшой шкаф. В нём висело несколько поношенных вещей моего размера: длинное коричневое платье, такого же цвета юбка, черные брюки, водолазка и бледно-зелёный свитер. Если эти вещи принадлежали мне до того, как я попала в больницу, то вкуса у меня явно не было. Но это куда лучше, чем бесформенная роба или смирительная рубашка, хоть какой-то намёк на уважение моего человеческого достоинства.

Кровать была застелена свежим бельём.

— Вам всё нравится? — спросил доктор.

— Безусловно, — ответила я с преувеличенной кротостью. — А где другие пациенты?

— Сейчас они на процедурах, через час в столовой будет обед, тогда и познакомитесь. Пока вы можете свободно прогуляться по территории нашей клиники и побыть в уединении.

— Да, именно уединения мне и не хватало целый месяц в подвале, где всем было запрещено со мной разговаривать.

Я развернулась и собралась выйти.

— Ещё, мисс Престон, — продолжил доктор, — Дейзи останется работать в этом корпусе, по всем вопросам вы можете обращаться к ней. И, поймите, всё, что мы делаем, служит исключительно для вашего блага.

— Спасибо, — равнодушно бросила я и спустилась на улицу.

Я побрела куда глаза глядят. Пейзаж дышал покоем, но была в этом покое какая-то невыраженная тревога. Замечая новые здания, я подходила ближе, чтобы рассмотреть их, но все они были, словно однояйцевые близнецы, и не имели ни табличек, ни опознавательных знаков. Спустя двадцать минут я упёрлась в серую стену высотой метра четыре, окружающую территорию больницы. На фоне природы она выглядела странно, от её вида мне вдруг стало не по себе. Я подошла к ней и ощупала поверхность: стена была сделана из бетона. Постучала кулаком: внутри нет полости. Можно попробовать сделать подкоп, но если это цельное полотно бетона, его могли залить очень глубоко. Коснувшись её ещё раз, я пошла обратно, так как подходило время обеда. По пути я подумала, что пора умерить свою враждебность и разыграть роль хорошей девочки, чтобы усыпить бдительность врачей, персонала, пациентов и каждого, кто здесь окажется. Я никому не могу доверять.

Из конца коридора главного здания доносились тихие разговоры, звон тарелок и бренчание ложек. Я быстро нашла источник этих звуков и отворила дверь.

Столовая была светлой и большой. Высокие окна превращали скудные солнечные лучи в мутное мерцание. Бледно-жёлтые обои выцвели в тех местах, куда чаще всего падало солнце. В середине рядами стояли белые столы и деревянные стулья, на которых сидели другие пациенты, уже занятые обедом.

Услышав мои шаги, все обернулись и замерли в оцепенении.

Молчаливую паузу прервал ворвавшийся в столовую доктор Монтгомери:.

— Господа, у нас новая гостья, её зовут мисс Ева Престон. Прошу быть вежливыми и обходительными, как подобает джентльменам. Что же вы стоите, мисс Престон, присаживайтесь, — торопливо заговорил он и, приобняв за плечи, посадил за первый попавшийся стол.

Окинув взглядом всех, я с ужасом осознала, что была здесь единственной женщиной. Доктор так же стремительно исчез, как и появился, оставив меня наедине с собственной паникой и пялящимися на меня мужчинами. Я глубоко вдохнула и посмотрела на тех, кто сидел со мной за одним столом: молодой парень, кажется, мой ровесник, и мужчина лет тридцати пяти. Я коротко кивнула им и, непринуждённо улыбнувшись, сказала:

— Приятного аппетита.

После первых произнесённых мной слов они будто ожили и засуетились. Первым ответил тот, что помоложе:

— И вам, мисс Престон. Кстати, меня зовут Йохан.

У Йохана были васильковые глаза, белая, как фарфор, кожа, которая будто светилась изнутри, светлые волосы и почти бесцветные брови и ресницы. В каждом его движении сквозила артистичность и аристократическая утончённость, что выделяло его на фоне всех остальных мужчин. Опустив взгляд, я невольно засмотрелась на его руки: длинные и тонкие пальцы, словно выточенные из слоновой кости, ухоженные бледно-розовые ногти — пожалуй, настолько изящные руки можно было увидеть только на полотнах художников, вроде Уотерхауса, или Росетти, или...

— Мисс Престон?

Я подняла взгляд и поняла, что Йохан что-то спрашивал, но я не расслышала.

— Простите, я просто засмотрелась на ваши руки.

— Почему?

— Ну… у вас не руки, а мечта любой девушки.

Йохан рассмеялся, и до меня дошло, насколько двусмысленно прозвучали мои слова.

— В смысле, они очень красивые, в общем…

— Я понял, спасибо, — улыбаясь, ответил он. — Мне ещё никто об этом не говорил.

Затем он кивнул в сторону соседа:

— А это Копилка. Он немного стесняется, поэтому и молчит.

Копилка являл собой полную противоположность Йохана: мускулистый, крупный и лысый мужчина с густыми бровями и суровыми карими глазами, словно само воплощение грубой и безжалостной силы. Он посмотрел на меня *так*, что мне стало страшно. Но всё же я не смогла побороть своё любопытство и спросила:

— А почему Копилка?

— Так он лысый, а на макушке шрам, прямо как отверстие для монет.

И действительно: присмотревшись, я заметила, что на лысой голове Копилки виднелась небольшая коричневая полоса. Я прикрыла рот рукой, чтобы подавить смешок, но Йохан вместе с Копилкой громко рассмеялись, демонстрируя, что мне нечего стесняться. В момент, когда Копилка разразился басистым хохотом, его лицо приняло беззаботное выражение, он широко открыл рот, блеснув ровными белыми зубами.

— А как вас на самом деле зовут?

— Пит. Но я уже отвык от этого имени. Поэтому называйте меня Копилкой.

— Как вам угодно. Очень эффектный псевдоним.

— И, может, перейдём на ты?

— С радостью.

Мы принялись за еду. В тарелке лежал отварной картофель, петрушка и куриное филе. По сравнению с той едой, что я получала в белом подвале, это были самые настоящие деликатесы, поэтому я ела с большим аппетитом, напрочь забыв обо всех остальных пациентах. Через десять минут Йохан, доев свою порцию, спросил:

— Ева, а в какой палате ты живёшь?

— В восьмой.

— Эх, — с сожалением произнёс он, — она ведь одноместная, а мы все живём по двое. Интересно, почему только у тебя такая палата? Ты из особо буйных?

— Потому что она женщина, придурок, — буркнул Копилка, пережёвывая кусок хлеба.

— Единственная женщина, я так полагаю?

— Да, — ответил Йохан, окончательно подтвердив мои опасения.

Я пристально наблюдала за новыми знакомыми, пытаясь составить мнение о каждом из них. Из примечательных деталей были только татуировки на фалангах пальцев Копилки и грубый акцент у Йохана, никак не гармонирующий с его мягкой внешностью. Не решаясь завязать диалог с Копилкой, я спросила Йохана:

— Йохан, ты ведь немец?

— Да, чистокровный ариец. Можем замерить череп.

— Я верю. А откуда ты?

— Из Кёльна. Но не помню этого города, как и всю свою жизнь, кроме некоторых моментов, которые мне помог вспомнить доктор Монтгомери.

— У тебя тоже амнезия?

— Здесь у всех амнезия. Эта клиника единственная в своём роде, в ней изучают и лечат все виды потери памяти, а ещё сопутствующие психические заболевания, если они есть. У меня, например, биполярное расстройство, а у Копилки…

— Хватит болтать, — бросил Копилка, — пошли на прогулку.

Мы вышли во двор. Большая часть пациентов разделилась на группы и разбрелась по разным углам, но кто-то гулял в одиночку. И у нас образовалась своя компания, зашагавшая по гравию в сторону старой деревянной беседки. Меня мучило множество вопросов, но я опасалась вызывать подозрения излишней настойчивостью. Поэтому я начала невинный разговор, стараясь включать в него важные для себя моменты:

— Люблю такую погоду — пасмурно и прохладно, но без дождя. Здесь всегда так?

— Это лучше спросить у Копилки, он появился тут раньше меня. Около двух лет назад, так ведь?

— Да, — ответил он. — Здесь обычно облачно и туманно, зимой холод и слякоть, иногда идёт снег.

— Признаться честно, не будь это место психиатрической больницей, я бы была рада здесь задержаться. Очень живописные пейзажи, главное здание такое ветхое, но красивое. Интересно, что в нём было раньше?

— Я слышал, что во время войны здесь был госпиталь, а в девятнадцатом веке поместье какого-то богача, — задумчиво произнёс Йохан. — Но после войны здание очень долго пустовало.

Итак: раз это бывший госпиталь, то мы, очевидно, находились в одной из стран-участниц Второй мировой. Стран много, но, судя по климату, мы были где-то ближе к северу, может быть, Дания, Норвегия или Англия.

— А сколько здесь всего пациентов?

— Десять. Ты стала одиннадцатой.

Глава 3. Номер двенадцать

На следующее утро я пошла в душ. Мне выделили отдельный, запиравшийся изнутри. Мужской, кстати, не запирался совсем. Видимо, мужчины меньше ценят своё личное пространство.

Я стояла под прохладными потоками воды, уставшая, разбитая, отчаявшаяся, но что куда страшнее — невыспавшаяся. Всю ночь мне снились жуткие и хаотичные сны: неизвестные лица, похожие на восковые маски, выплывали из темноты, касались меня, а затем исчезали.

Я думала о том, что прямо сейчас где-то за этой четырёхметровой бетонной стеной, тысячи, сотни тысяч, миллионы людей живут свою свободную жизнь — ходят, куда хотят, делают, что хотят, занимаются любовью, работают, может, и на нелюбимой работе, но всё же у них есть выбор и они могут уйти.

А я ничего не могу.

Более того, меня собираются лечить. Я не верю, что у меня шизофрения. Я абсолютно нормальный человек, запертый с дюжиной психов.

Или они заперты со мной. Это мы ещё посмотрим.

В любом случае, если я впаду в отчаяние, то не оставлю себе даже самого мизерного шанса.

В душевой висело зеркало, и этим она отличалась от той, которая была в подвале. Весь этот месяц я не видела собственного лица.

Я взглянула на отражение: оно словно было и мной, и кем-то другим. Бледная, истощённая девушка с агатово-серыми глазами и густыми чёрными волосами ниже лопаток. На запястьях едва заметные хаотичные побелевшие линии, и ещё несколько более широких полос под линией груди. Шрамы на рёбрах заинтересовали меня больше: скорее всего, это следы от старых травм. Но откуда они у меня? Авария? Неудачное падение с высоты? Или что-то, о чём я пока не готова вспомнить?

Неважно, Ева Престон я или нет, мне нужно выбраться отсюда любой ценой.

Я опустилась на пол, прижавшись к стене, и впервые дала волю чувствам, расплакавшись. Так я просидела около получаса, тихо всхлипывая и обнимая себя за плечи.

Вытерев слёзы, я промыла опухшие красные глаза холодной водой, прошлась полотенцем по мокрому телу, надела вчерашнее платье и направилась к себе в палату. Уединение было недолгим — в дверь постучали.

— Войдите.

Показалось смущённое лицо Дейзи. При ярком дневном свете она была куда миловиднее, чем под подвальной лампой: я смогла рассмотреть её круглое лицо, усыпанное веснушками,

карие глаза и кудрявые светло-русые волосы, которые непослушно выбивались из пучка, затянутого на затылке.

— Мисс Престон, — начала она, — сегодня воскресенье, вам нужно собираться на проповедь.

— Какую ещё проповедь?

— Церковную, — вдохновлённо ответила она.

Я успела подзабыть, что больница носит имя персонажа из Евангелия, а значит, не стоит удивляться, что здесь обращаются к религии. От одной мысли, что придётся сидеть на этих жёстких деревянных скамейках, сложив руки в молитве, и взывать к господу, отцу нашему, который уже давно покинул своих детей и не собирается платить алименты, я пришла в бешенство. Намереваясь выместить гнев на ничего не подозревающей и явно набожной Дейзи, я вдруг опомнилась.

Церковь?

Нас вывезут за территорию больницы?

И тут же выкрикнула, подскочив с кровати:

— Уже собираюсь.

Дейзи вышла. Я печально взглянула на свой скудный гардероб и надела чёрную водолазку с юбкой. Довершая образ богобоязненной девы, я завязала волосы в низкий пучок, накинула пальто и вышла на улицу, где уже собрались все пациенты и несколько медсестёр, включая Дейзи. Мы выстроились в некое подобие шеренги и пошли на север.

Постепенно стриженые газоны и кусты сменились зарослями вереска и одинокими голыми деревьями. Горизонт окутывала лёгкая дымка, а за ней скрывалась тёмная аллея из пихт. Это место показалось мне удручающим, от каждой травинки будто веяло тоской и безысходностью. Птицы не пели, листья не шуршали, было слышно только топот наших ног. За кронами пихт показался силуэт церкви — небольшое одноэтажное здание со шпилем в готическом стиле. Моё отчаяние только усилилось: церковь находилась на территории больницы, и мне придётся сюда ходить. Связи с внешним миром по-прежнему не было.

Мы вошли и расположились на скрипящих от старости деревянных лавках. Рядом со мной сели Йохан и Копилка. Мы шли вместе, но всю дорогу я молчала. Они, видимо, заметили моё подавленное состояние. Йохан едва слышно прошептал:

— Ева, всё в порядке?

— Да, просто не выспалась.

— Понимаю. Знаешь, я ведь атеист, и Копилка тоже. Но мы ходим сюда, потому что так надо. И мне радостно, что в воскресенье на ужин дают маленькую плитку шоколада. Я считаю, это неплохое вознаграждение за часовое оскорбление чувств неверующих.

— Ты прав, — улыбаясь, ответила я. — К тому же, господь любит атеистов: мы никогда у него ничего не просим.

Йохан улыбнулся в ответ. Я осмотрела убранство церкви: длинные стрельчатые окна с цветными витражами, сводчатые потолки с лепниной, мраморный алтарь, украшенный цветами, и круглая железная люстра с несколькими ярусами потухших свечей. Раздались шаги, и к нам вышел священник — дряхлый старик, с которого уже сыпется песок. Его хриплый голос разнёсся под сводами церкви, начав проповедь о покаянии.

Мне было совершенно неясно, в чём именно я должна покаяться, если ничего о себе не помню, поэтому я быстро утратила интерес к проповеди и начала краем глаза рассматривать лица присутствующих. Мужчины на вид были разного возраста, в основном тридцати-сорока лет, разного телосложения, даже тучные, которые каким-то чудом не потеряли вес на больничной диете. Но было у них кое-что общее: пустой и безжизненный взгляд, как у узников, доживающих свой последний день перед смертной казнью.

Наконец проповедь кончилась, и мы покинули церковь. Я остановилась у входа, сказав Йохану и Копилке, чтобы шли без меня. Дейзи вышла последней, и я обратилась к ней:

— Дейзи, мне нужно побыть наедине с Богом. Могу я здесь немного задержаться и прийти позже? Это ведь тоже территория больницы, верно?

— Конечно, мисс Престон, вы можете приходить сюда, когда пожелаете, Бог всегда будет вас ждать, — ответила она, улыбнувшись, и зашагала к остальным пациентам. Следом вышел священник, кивнул мне и скрылся в тёмной аллее.

Свидание с высшими силами я начала с осмотра церкви: судя по состоянию камня, она была ещё старше, чем главное здание. За ней оказался небольшой сквер, и я направилась туда. Летом или весной это место наверняка очень красиво, но сейчас оно выглядело мрачновато: серые дорожки из гравия, иссиня-чёрные можжевельники, пустые клумбы и пара скамеек с облезшей краской. Меня привлёк каменный силуэт, возвышающийся над тенистыми зарослями.

Это был плачущий ангел. Он сидел на коленях, склонив голову, и закрывал глаза ладонями.

Статуя вызвала у меня волну мурашек и чувство глубокого благоговейного страха. В голове вспыхнула неясная искра, будто бы я уже где-то видела эту скульптуру, только как я ни старалась, не могла вспомнить, где именно.

Я села на землю и прислонилась к постаменту. От него веяло могильным холодом. Отличное место, чтобы привести мысли в порядок. Прямо сейчас, когда в округе ни души и никто не сможет меня побеспокоить, я должна снова взглянуть на них.

Задрав рукава, я осмотрела шрамы на руках. Они были длинными и неглубокими, словно ступеньки лестницы, спускались от сгиба локтя до запястья.

Я гладила шершавую кожу, покрытую старыми шрамами, пытаясь вспомнить, откуда они, но снова ничего не выходило. Внезапно за спиной послышались шаги, а затем раздался голос:

— Пытаться свести счёты с жизнью, когда ты уже мёртв, — напрасная трата времени.

Я испуганно обернулась и увидела высокого молодого мужчину: он будто появился из ниоткуда и, сноровисто подпрыгнув, сел рядом со мной. Я осторожно отодвинулась.

— Здравствуй, Лилит.

— Меня зовут Ева. Вы меня с кем-то путаете.

— Это ты себя с кем-то путаешь.

Пересилив себя, я повернула голову, чтобы рассмотреть незнакомца: широкоскулое белое лицо с точёным подбородком, обрамлённое густыми чёрными волосами, губы изогнулись в ухмылке, а тёмно-зелёные глаза будто отливали золотом.

— С распущенными волосами тебе идёт больше.

— Думаю, святой отец бы с этим не согласился.

Он улыбнулся, оскалив зубы.

— Кажется, на проповеди тебе было скучно.

— А на них разве должно быть весело?

В присутствии незнакомца я испытывала противоречивые чувства: с одной стороны, меня разрывало от любопытства, кто он такой и откуда взялся, с другой — он казался опасным.

— Как тебе в «Саймонс Лоте»?

— Неплохо.

— Даже подвал?

— Пожалуй.

Он глубоко вздохнул, улыбка вдруг исчезла с его лица. Он заговорил серьёзным тоном:

— Я здесь, чтобы помочь тебе, Лилит.

— Во-первых, я не Лилит. Во-вторых, если вы не в состоянии вытащить меня отсюда, то ваша помощь мне не требуется.

— Ты очень заблуждаешься.

Я скептически повела плечом.

— Каким образом? И кто вы вообще такой? На пациента не похожи, и на врача тоже.

— Меня зовут Рэй. Я двенадцатый пациент — единственный, у которого нет амнезии, который помнит о себе всё. Более того, я знаю всё о других пациентах, в том числе о тебе.

— Так расскажите.

— Нет, так не пойдёт. Если я просто возьму и расскажу, ты не поверишь. К тому же, это неинтересно.

— И как тогда я смогу вспомнить, кто я?

— Мы сыграем в игру. Я буду давать тебе подсказки, следуя им, ты сумеешь по крупицам собрать пазл своей прошлой жизни. Настоящей жизни. А когда ты вспомнишь всё, сможешь покинуть это место. Я уже дал тебе первую подсказку и назвал твоё истинное имя, *Лилит*.

— А истинную фамилию не назовёте?

— Пока рано. Ты должна сама пройти этот путь, собрать себя из тысячи осколков, прочувствовать каждый значимый момент, каждое воспоминание.

— Хорошо, допустим, моя выгода ясна. А что вам будет с этого?

— Я всего лишь хочу немного развлечься. Мне здесь скучно.

— Так почему бы вам не выбрать другой объект для этого увлекательного эксперимента?

— Они мне не интересны.

— А я интересна?

— Да.

— Почему же?

— Я знаю, что ты способна достичь любой своей цели, чего бы тебе это ни стоило.

— Вы так говорите, будто ранее мы были знакомы.

Он ухмыльнулся.

— Каково это, когда незнакомец знает тебя лучше, чем ты сама? Я знаю о тебе всё: кто твои родители, в какую школу ты ходила, где жила и что ела на завтрак в последние пять лет. Так что можешь обращаться ко мне на ты.

— Надеюсь, эта близость не заходила дальше банального сбора информации.

Он бархатисто рассмеялся.

— Ну так что, согласна поиграть?

На секунду я задумалась: мне ведь тоже скучно. Вряд ли получится что-то вспомнить, ведь целый месяц у меня ничего не выходило. Терять нечего, в конце концов. Да и не слишком я верю в то, что смогу так просто отсюда уйти.

— Я не против.

— Ах, совсем забыл. У меня есть несколько условий.

— Ну, начинается, — со вздохом произнесла я, закатывая глаза. — Сразу говорю, денег у меня нет. По крайней мере, здесь.

— Деньги мне не требуются. Условия просты.

— Выкладывай.

И он заговорил тихим, проникновенным голосом:

— *Первое условие: никто не должен знать о нашей игре. Второе условие: если хотя бы часть воспоминаний вернётся, ты должна делать вид, что по-прежнему ничего не помнишь, чтобы никто ничего не заподозрил. Третье условие: ты не должна задавать вопросов обо мне окружающим и мне самому.*

Я издала короткий смешок.

— Что ж, идёт.

Он протянул руку, и я по-дружески её пожала.

— Отлично. Ты готова услышать своё первое задание? Способна ли ты принять правду, какой бы жестокой она ни была? Боюсь, как бы ты не сошла с ума от первой истины.

— Дважды в одну реку не входят, я уже сумасшедшая, раз нахожусь здесь.

— Верно. Может, я всего лишь твоя галлюцинация?

— Может. Так в чём заключается моё задание?

— Ты должна поговорить со всеми пациентами и узнать, кто они. Узнав, кто они, ты узнаешь, кто ты, потому что вас всех определили сюда по одному признаку.

— Амнезия?

— Нет, ещё один, более важный.

— И как же я узнаю, кто они, если они сами этого не помнят?

— Пусти в ход свою острую смекалку.

— Ладно, попробую, — ответила я, поднимаясь с земли. — Теперь мне пора идти. Кстати, как тебя найти?

— Я сам найду тебя, когда будет необходимость.

— Хорошо. До скорого.

Я развернулась и зашагала прочь. За спиной послышался голос:

— Удачи, Лилит.

Я обернулась, и наши взгляды встретились. Он улыбнулся мне, помахал и пошёл в противоположную сторону. Задержав взгляд на удаляющейся фигуре, я вынужденно признала его невероятную мужскую привлекательность. До чего же я докатилась, раз стала заглядываться на сумасшедших...

Я вернулась в главный корпус и сразу направилась обедать. Йохан и Копилка сидели за тем же столом, что и в прошлый раз. Заметив, что я пришла, они махнули мне, и я присоединилась к ним.

— Что-то ты надолго пропала, — обеспокоенно произнёс Йохан.

— Пыталась познать бытие божье.

— И как оно?

— Бытие божье можно познать только сердцем, а его у меня, судя по всему, нет.

— Сердце есть у всех, пока тебя не сдали на органы, — проворчал Копилка.

— Это метафора.

Копилка на мгновение перестал жевать, одарил меня непонимающим взглядом и тотчас вернулся к более приятному занятию.

Йохан прошептал:

— Ты при нём лучше такие слова не используй, ему неловко. Он не окончил среднюю школу и очень комплексует по этому поводу.

Я посмотрела на пальцы Копилки, которыми тот держал плитку шоколада. Размытые символы на коже, посиневшие от времени, будто о чём-то мне напоминали.

Что ж.

Лилит начинает игру.

Или всё-таки Ева?

Глава 4. Монстр под кроватью

Я и не надеялась, что будет легко, но чтобы расследование встало в тупик, не успев начаться…

Наблюдая за остальными пациентами, я быстро пришла к неутешительному выводу: многие из них абсолютно не вменяемы, и рассчитывать на хоть какой-то диалог я не могу. Кто-то постоянно вертел головой по сторонам, будто прислушиваясь к хору неуловимых для других голосов; кто-то планомерно жевал обои в столовой, предпочитая их вполне сносной еде;

кто-то ловил и умертвлял мух, а затем раскладывал их по подоконникам и представлял себя командиром великой армии.

Мне было спокойно и комфортно в компании Йохана и Копилки: во-первых, они совсем не выказывали признаков психических отклонений (пока); во-вторых, с ними было о чём поговорить и даже посмеяться; в-третьих, Копилка походил на типичного бандита из гангстерского фильма и отпугивал своим видом других потенциально опасных пациентов от нашей дружной компании и от меня в частности. Я всё больше укреплялась в мысли, что попала сюда по какой-то глупой ошибке и нет у меня никакой шизофрении.

У каждого пациента был свой план лечения, собственные лекарства и процедуры, и мой пока вызывал наибольшее количество вопросов. Всё ограничивалось тем, что три раза в день я принимала по две неизвестные таблетки.

Ну, как сказать, принимала…

Лекарства в мою палату вместе со стаканом воды приносила Дейзи и ждала, пока я выпью их при ней. Но Дейзи, судя по всему, была либо слишком доверчивая, либо не слишком умная, раз она думала, что мне не хватит мозгов засунуть их под язык и выплюнуть в унитаз, когда она уйдёт.

Только таблетки. Две капсулы — синяя и белая. Больше ничего. И это настораживало.

Тем не менее, я была настроена решительно и не собиралась позволить Рэю победить и насмехаться над моей беспомощностью. Когда в очередной раз мы вышли на послеобеденную прогулку и расположились на лужайке под старым дубом с позолоченной кроной, я спросила:

— Вы знаете что-нибудь о других пациентах? Неужели все остальные, кроме нас, совершенно безнадёжны?

— Нет, есть парочка нормальных, но они держатся особняком, — ответил Йохан, — например, старик Ришелье, он сутками торчит в библиотеке.

— И Нил с Чарли, — добавил Копилка, — они не то чтобы нормальные, но перебросится парой слов можно. Вон они, около ограды.

Копилка указал в сторону железного забора, заросшего плющом, где стояли два молодых человека. Я решила подойти к ним позже.

— А как вас лечат?

— Мне дают таблетки, вешают какую-то штуку на голову и водят на психотерапию, — ответил Йохан. — А у тебя что? Кстати, чем ты больна? Прости, если тебя обидел этот вопрос.

— Мне сказали, что у меня шизофрения, но я пока её не чувствую.

— Ну и славно, значит, лечение доктора Монтгомери помогает. Я каждый день делаю новые успехи и собираю себя по кусочкам после потери памяти. Всё-таки, без твоих воспоминаний ты уже не ты, а какой-то кусок пластика, бессмысленно дрейфующий в мировом океане.

— Согласна. Кстати, а есть тут особо буйные? Те, кого стоит опасаться?

Йохан нахмурил брови и, понизив голос до шёпота, ответил:

— Только если Билли. Его сейчас здесь нет, наверное, опять сидит в изоляторе. Ты по одному взгляду поймёшь, что он самое настоящее животное.

— Он что-то натворил?

— Он всегда что-то творит.

— Например?

— Извини, Ева, но это не для дамских ушей.

— Ну ладно.

Внезапно Копилка напрягся всем телом, будто гепард, собирающийся совершить прыжок, и злобно прорычал:

— Ещё один идёт.

— Хью что ли? Да он безобидный. Пусть Ева посмотрит на местную знаменитость.

— А я-то думала, что местная знаменитость — это я, — с наигранной обидой ответила я, скрестив руки на груди.

— Не надо тебе такой славы, — посмеиваясь, ответил Йохан. — Сейчас сама всё поймёшь.

В нашу сторону, размахивая длинными руками, быстрым шагом двигался высокий и худощавый мужчина. Он боязливо оглядывался по сторонам, а когда подошёл совсем близко, в ужасе подскочил на месте от громкого голоса Йохана:

— Привет, старина Хью! Ну что, ты всё ещё на мушке у ФБР?

— Тшшш, — прошипел он, — *они*здесь. *Они*и за вами следят, недоумки.

— А мы им зачем? Ты персона куда более важная.

— Я-я-я? Да-а-а… Я-я-я всё-ё-ё знаю…

— Может, поделишься? — спросила я.

— Я-я-я всё-ё-ё зна-а-аю-ю… и про ва-а-ас, и про *них*, и про тех, *других*…

— Каких других?

— *Другие*были под кроватью. Всё под *кроватью*.

— Так за тобой следит подкроватный монстр или всё-таки ФБР?

— Федералы… чёртовы федералы… у них всё под кроватью…

Он опустился на землю, обхватил голову и погрузился в неразборчивое бормотание, тайна которого была известна ему одному.

Лицо этого несчастного параноика было жутким: вытянутое, щетинистое, с ввалившимися красными глазами, язвами на щеках и длинными засаленными волосами. Но куда более устрашающим был запах, который он источал — невыносимо затхлый, как смесь протухшего яйца и навоза. Я поморщилась и, пересилив отвращение, положила руку на плечо Хью, перейдя на заговорческий шёпот:

— Хью, я знаю одно место, где ФБР не сможет за тобой следить.

Он поднял голову и с мольбой взглянул на меня.

— Где? — спросил он дрожащим голосом.

— Спрячься в душе. Включи воду, чтобы они тебя не услышали, и встань под струю воды, чтобы они тебя не увидели.

В одно мгновение он подскочил с земли и унёсся в неизвестном направлении.

Йохан и Копилка уже не могли сдерживаться и расхохотались в полный голос.

— Не уверен, что это сработает, но ты здорово придумала, — ответил Йохан. — Я, кстати, ни разу не видел, чтобы он мылся.

— Я тоже, — добавил Копилка.

— А не знаете, почему?

— Он что-то бормотал на этот счёт, но я уже забыл.

Не прошло и десяти минут, как Хью, радостно крича, выбежал во двор — чистый, мокрый и голый. За ним бежали два санитара, но ноги у них были почти вдвое короче, чем у Хью, поэтому поймать его смогли только тогда, когда он пробежал шесть кругов вокруг сада и выдохся. Всё это время не только мы, но и все остальные свидетели внезапного перформанса умирали со смеху, а медсёстры лишь сдержанно улыбались. Запыхавшегося и совершенно счастливого Хью поймали и увели в отделение, а ещё через какое-то время почти все разбрелись на процедуры, в том числе Йохан и Копилка. Я осталась одна и вернулась в палату.

Когда я села на скрипучую деревянную кровать, мне в голову пришла глупая мысль — может, и под моей кроватью сидит агент ФБР, как у Хью?

Я опустилась на колени и заглянула вниз. Темнота пахла сыростью и пылью. Кровать была на высоких ножках — таких, что под неё мог спокойно залезть худой человек. Запустив руку под основание кровати, я начала водить по деревянной поверхности, пока не нащупала что-

то вроде гравировки. Мне стало любопытно — а что, если это год выпуска или информация о мебельной фабрике? Тогда, может, я смогу что-то узнать о самой больнице?

Взяв лампу с тумбочки, я легла на пол и заползла под кровать. Нос мгновенно зачесался от пыли, захотелось чихнуть, поэтому я задержала дыхание и, прищурив глаза, начала изучать старый кусок фанеры. Судя по моим ощущениям, гравировка была ближе к изголовью, и я поползла туда, поднимая ещё больше пыли. Наконец в потоке бледного света лампы я обнаружила, что это никакая не гравировка, а нацарапанное кривым убористым почерком стихотворение:

Гробом стань, любовь моя,
И меня, красивую,
В нём похорони
Под зелёной ивою[1].
Э. Л.
1955

От неожиданной находки у меня по телу пробежала волна мурашек, но времени изучить её подробнее не было. Я услышала приближающиеся шаги и поспешила вылезти из-под кровати, попутно ударившись об неё головой. В палату зашла Дейзи, и, увидев меня, охнула:

— Мисс Престон, что с вами? Вы вся в пыли.

— Я уронила расчёску под кровать, и пришлось за ней лезть. Думаю, по мне видно, что уборщица не очень справляется со своими обязанностями.

Дейзи улыбнулась, села на кровать и принялась доставать из моих волос комки пыли. От неё пахло фиалками и свежестью. Чтобы прервать неловкое молчание, я спросила:

— Дейзи, а ты давно тут работаешь?

— Три года.

— Видела сегодня Хью?

Она звонко рассмеялась.

— Конечно, все медсёстры об этом судачат. Не помню, когда он последний раз мылся, но однозначно не при мне. Тот, кто его надоумил, точно гений.

Я не стала говорить, что именно мне удалось хотя бы на время избавить окружающих от смрада Хью, но её похвала польстила.

— А были тут ещё какие-нибудь странные ребята, как он?

— Да, и много. Помню одного чудака — он себе кожу на бедре разрезал и складывал туда монетки, думая, что это кошелёк. И ведь заметили это не сразу, только тогда, когда он уже бредил от сепсиса, и пришлось положить его на операционный стол.

— Жуть. Не представляю, сколько нужно мужества, чтобы работать на такой работе и с такими… людьми.

Дейзи смутилась.

— Для меня пациенты такие же люди, как и все. Просто они заперты один на один со своей болью, а если ещё и осознают, что отличаются от остальных и с ними что-то не так, то страдают куда сильнее. Им так хочется чувствовать, что они не одни, что помимо того ужасного мира, который у них в голове, есть ещё и другой — тот, что снаружи, и в этом мире есть те, кто готов протянуть им руку помощи.

Я посмотрела на Дейзи. Она говорила искренне и с воодушевлением, и мне хотелось верить, что её слова — правда.

Заметив мой пристальный взгляд, она смутилась, осознав, что сказала лишнего. Поднявшись с кровати, она быстрым движением поправила волосы и, заикаясь, произнесла:

— Что ж, мисс Престон, пора на обед!

[1] Сомерсетская народная песня.

А затем ушла. Я последовала за ней.

За столом уже сидели Йохан и Копилка. Я присоединилась к ним, огляделась и прошептала:

— У меня к вам странная просьба. Сможете проверить, есть ли под основаниями ваших кроватей надписи? Только не привлекайте внимание.

— Хорошо, проверим. Но зачем? — спросил Йохан.

— Я нашла под своей кроватью нацарапанный стих с инициалами и датой. Возможно, так мы сможем узнать что-то об истории больницы и о пациентах, которые были до нас.

Копилка нахмурился и процедил:

— Интересный поворот. Походу, Хью в самом деле что-то знает.

— В общем, я очень на вас надеюсь. И никому ни слова. Пусть это будет только наша тайна.

— Если тайну знают три человека, то это уже не тайна, а информация, — ухмыльнулся Йохан.

Когда с обедом было покончено, я решила прогуляться до церкви. Может, Рэй сейчас там и он что-то знает о надписи под кроватью? Эта загадка неожиданно захватила меня ещё больше, чем моя собственная, поэтому я поспешно зашагала в сторону вересковой пустоши, даже не накинув пальто, о чём затем пожалела.

Гордые изгибы виднеющихся вдалеке холмов, поросших могучими каштанами, застыли в тисках угрюмой осени. В волосах гуляли порывы ветра, было холодно и гудело в ушах, но я решила не возвращаться, вряд ли успею сильно замёрзнуть. Засунув покрасневшие руки в рукава, я шла, пока на горизонте не показался серый силуэт с острыми шпилями. Церковь была пуста, и я направилась в сад.

Около статуи плачущего ангела стоял Рэй, глядя в пустоту и будто не замечая моего приближения.

— Привет. Хорошо, что ты здесь, я как раз хотела с тобой поговорить.

— До чего же наша жизнь зависит от случайностей, — ответил он, переводя на меня взгляд.

— Может, прогуляемся?

— Давай. Но ты, кажется, замёрзла.

Он снял своё чёрное пальто и набросил его мне на плечи.

— Спасибо, не стоило.

— Стоило. Позволишь?

Рэй протянул руку и взял меня под локоть. Удивлённая его галантностью, я не стала противиться и пошла рядом с ним.

Мы всё шли, сопротивляясь порывам ветра, пока не набрели на ещё одно подобие сквера с невысокими можжевельниками. Прищурившись, я произнесла:

— Там какие-то белые пятна, похожи на могильные плиты.

— Это они и есть. Мы на кладбище.

— Очень романтично.

Внезапно меня пронзила догадка, я отпустила руку Рэя и быстро пошла вперёд.

— Куда ты? Постой!

Но я уже не слышала его слов, а рассматривала надгробия. Их было около дюжины: какие-то выглядели совсем старыми и покосившимися, какие-то раскололись, но на некоторых ещё можно было прочесть надписи.

Кристиан Белтон (1910–1948)

Джей Рассел (1900–1952)

Рональд Рид (1898–1955)

Мартин Олсен (1908–1951)

Леон Ривелли (1880–1950)

Ближе к концу кладбища над могильной тишиной склонялась старая ива. Прямо под ней из-под земли выглядывала табличка, усыпанная жёлтыми листьями и покрытая зелёным мхом. Я опустилась на колени, содрала мох и увидела надпись:

Элен Лонгард (1922–1955)

Погружённая в свои мысли, я не заметила, как меня догнал запыхавшийся Рэй.

— В чём дело?

— Это я должна у тебя спросить. Твоя новая загадка?

— О чём ты?

— Сегодня под своей кроватью я нашла надпись, оставленную в тысяча девятьсот пятьдесят пятом году. Там было стихотворение. Инициалы Э. Л. Совпадают с именем и фамилией на этой могиле. А ещё год её смерти совпадает с годом надписи.

Рэй нахмурился.

— Если честно, я впервые об этом слышу. Что это было за стихотворение?

Я процитировала:

Гробом стань, любовь моя,
И меня, красивую,
В нём похорони
Под зелёной ивою.

Рэй нахмурился ещё больше.

— А ведь она и в самом деле похоронена под ивой. Очень странно. Что ещё известно?

— Пока не знаю. Я попросила своих друзей проверить их кровати.

Рэй удивлённо вскинул бровь.

— Друзей? Значит, ты уже продвигаешься к разгадке первой тайны?

— Пока не особо. Но зато один из сумасшедших натолкнул нас на новую, о которой не знал даже ты. Кстати, мне кажется, или от твоего пальто пахнет сигаретами?

— Тебе не кажется.

— Откуда они у тебя?

— Это неважно. Но могу тебя угостить, если хочешь.

На секунду я заколебалась.

— Я не знаю, нравилось ли мне курить, но давай попробуем.

Из кармана брюк он извлёк зажигалку и бело-красную пачку сигарет «Мальборо». Он протянул мне одну, и когда она оказалась у меня между пальцев, зажёг её.

Я поднесла сигарету ко рту и вдохнула. В нос ударил кисло-горький запах, глаза защипало, и из них полились слёзы.

Всё вокруг провалилось в темноту, и на месте кладбища вспыхнул ночной парк, залитый мятным светом луны, каменистая дорожка, топот каблуков и шелест платья, прохладный осенний ветер… и я иду за руку с тёмным мужским силуэтом, прижимаясь к нему, смеясь и улыбаясь, поглаживая его по плечу, от него пахнет этими кисло-горькими «Мальборо», и внутри всё разрывается от трепета, нежности и… любви?

Вдруг парк исчез. Я снова стояла на кладбище.

Пальцы задрожали, и я выронила сигарету.

Рэй потушил её ногой.

— Что с тобой?

— Я… как будто что-то вспомнила, — ответила я хриплым голосом.

— Что именно?

— Не… не могу.

И я обессиленно опустилась на землю, прямо около могилы Элен Лонгард. Внутри стало так больно, будто грудь одновременно пронзила тысяча ножей. Я вся дрожала. Мне безумно

хотелось вернуться в тот парк, взглянуть в лицо незнакомца, и я совсем не понимала, почему так сильно этого хочу.

Рэй приобнял меня за плечи и произнёс:

— Я знаю, тебе сейчас больно. Это только начало, дальше будет ещё больнее.

— Спасибо, утешил.

Я обречённо вздохнула.

— Кажется, я догадываюсь, что именно ты вспомнила, — продолжил он. — Если хочешь, я дам тебе ключ от одной из дверей, где заперта часть твоих не самых приятных воспоминаний. Но ты должна быть к этому готова.

Сжав кулаки и взглянув в глаза Рэя, я твёрдо ответила:

— Я готова.

— Хорошо. Завтра у тебя должна состояться первая психотерапия с доктором Монтгомери, попроси его, чтобы он показал тебе пятна Роршаха. Не обещаю, что ты моментально всё вспомнишь. И не воспринимай эту подсказку буквально. До сути ты должна дойти сама.

— Что ж, ладно. Спасибо.

Я поднялась с земли и ещё раз взглянула на могилу Элен Лонгард.

— Знаешь что?

— Да?

— Кажется, я не любила курить. Более того, я не любила, когда курят другие.

Он улыбнулся и ничего не ответил.

— Это правда? — спросила я.

— Возможно.

Мы решили пойти в другой конец кладбища.

— Ты уже была в библиотеке?

— Пока нет. А стоит?

— Да, конечно. Ришелье — очень умный и обаятельный старик.

— Сегодня слышала о нём. Интересно, какая у меня была любимая книга?

— Может, скоро вспомнишь.

— Надеюсь. А у тебя какая любимая книга? Или это тоже секретная информация?

— Нет, не секретная, — ответил он, улыбаясь. — Но я хочу, чтобы ты сама попробовала угадать.

Я крепко задумалась.

— «Портрет Дориана Грея»?

Рэй рассмеялся.

— Почему ты так решила? Я кажусь самовлюбённым?

— Нет, совсем нет. Не знаю, как объяснить. Я чувствую, что где-то в глубине души ты прячешь очень сильное разочарование.

Его лицо моментально стало серьёзным и отчуждённым.

— Не угадала. «Коллекционер» Джона Фаулза.

Разговор прервался, когда в конце кладбища мы увидели насыпь со свежей могилой.

— Это ещё что такое? — пробормотал Рэй.

Я направилась прямо к яме. И в ужасе остановилась.

— Твою мать…

Рэй подбежал ко мне.

В могиле лежал мужчина.

Услышав шаги, он открыл глаз

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.